

Когда солнце закатилось за горизонт, уже давно подготовленный банкет наконец-то начался.

Из-за того, что вкусной еды и отличного вина сильно не хватало, а в городе Юэчжун всё было разрозненно, масштаб и роскошь данного банкета совершенно не шли ни в какое сравнение с императорским банкетом. Только на этот раз, после отъезда из Дунфань, это был первый, можно сказать, официальный, к тому же важный банкет, которому каждый был искренне рад.

Жун Тянь с Фэн Мином сели на главные места и разделили небольшую трапезу между собой, тем самым выражая, насколько они ценят Ле Чжунлю, к тому же приказывая людям поставить для него стул рядом с ними.

Спустя какое-то время государю сообщили, что пришёл охранник с докладом:

— Главный министр прибыл.

Фэн Мин, сидевший рядом с Жун Тянем, под столом пнул императора Силэй и прошептал:

— Скорее вставай и иди встречай его.

На что мужчина также шёпотом ответил:

— Я являюсь императором, а он — министром, так почему же я должен встречать его?

— Глупый, нужно относиться с уважением к мудрецам и милостиво — к просто образованным людям[1], только так можно завлечь на свою сторону талантливых личностей.

Увидев, как Фэн Мин со злостью сверлит его взглядом, Жун Тянь, совершенно не дразня его, с чрезмерной любовью проговорил, улыбаясь:

— Раз ты трудился в поте лица, переманивая на мою сторону этого человека, то как этот император смеет проявлять лень? — И, взяв с собой юношу, вместе со свитой отправился к воротам, чтобы встретить действительно уже прибывшего Ле Чжунлю.

— Приветствую государя и князя Мина. — Увидев, что его вышли встречать, Ле Чжунлю лишь слегка улыбнулся и тотчас же проявил учтивость.

Его стройная фигура двигалась умеренно легко, сам же мужчина был облачён в чисто-белое одеяние, которое свободно подвязывалось голубым поясом, и, конечно же, Ле Чжунлю не забыл о хороших манерах, с изяществом наблюдая за всеми.

Сейчас этот мужчина совершенно изменился: он не был похож на того наглого, плачущего и

ругающегося Ле Чжунлю, который сидел на берегу реки Оман.

Увидев его в белом наряде, что был подвязан голубым поясом, Фэн Мин невольно слегка опешил, ведь почти такая же одежда была на Лу Дане в первую их встречу.

В тот день Лу Дань прибыл в императорский дворец Силэй и, неторопливо выйдя из-за спины Жун Тяня, предстал перед юношей в похожем белом одеянии с голубым поясом на тонкой талии.

Жаль, что такой настоящий мужчина так неожиданно ушёл из жизни.

Юноша в душе горестно вздохнул.

Встретив Ле Чжунлю всей толпой, люди вернулись в зал и расселись по своим местам.

— Подать кушанья.

Когда настала очередь Цю Лань показать, на что она способна, девушка, управляя прислугой, тотчас же с радостью подала к столу горячий ужин.

Каждому за столом досталось три мясных блюда и три овощных, которые сочетались с двумя маленькими тарелочками бурого и красного соуса и были посыпаны лёгкой зеленью, хрустящие, красивые и красочные, при взгляде на которые слюнки начинали течь.

К Жун Тяню и Ле Чжунлю относились с огромной любезностью, в сравнении с остальными им положили больше мяса и овощей.

Кроме указаний подавать кушанья, у Цю Лань по-прежнему была обязанность заботиться о Жун Тяне и о Фэн Мине. Расставив все блюда и сев за спиной князя, девушка, смеясь, указала на дополнительные мясные яства, сказав:

— Это оленьи сухожилия[2], а это суп из фазана, который варился на медленном огне. Оленьи сухожилия тёплые и слабосолёные, собственно говоря, необходимо добавить всего несколько моллюсков для сочетания, чтобы вкус был превосходным. Но, к сожалению, моллюсков здесь нет. Ваша служанка попробовала добавить немного ядрышек кедровых орехов, и не знаю, вкусно получилось или нет.

Фэн Мин, взяв палочки для еды, попробовал то, что приготовила Цю Лань. Хоть суп из фазана варился долго, однако был необычайно освежающим и прохладным, а оленьи сухожилия были приготовлены как следует: не слишком твёрдые, податливые, однако по-прежнему стоило применить немного сил, чтобы откусить кусочек; слабый вкус кедровых орехов почти не ощущался, словно их там и не было. Отведав блюдо из оленьих сухожилий, Фэн Мин удивлённо поднял брови и, цокая языком от восторга, проговорил:

— Вкусно! Вкусно! Всё же Цю Лань очень вкусно готовит.

Услышав похвалу от князя, девушка безудержно обрадовалась, приблизившись и засучив рукава, служанка вновь налила в пиалу немного бульона и проговорила:

— Князь Мин, а теперь отведайте супа. — И, повернувшись к другой стороне столика, также с почтением наполнила пиалу Жун Тяня.

Фэн Мин, попробовав бульон, также восхитился, и, повернув голову, увидел Жун Ху и внезапно понял, из-за чего Цю Лань тащила молодого мужа пробовать свои кулинарные изыски.

Почти с уверенностью можно было сказать, что олени сухожилия являлись необычайно ценными, так как в Юэчжуне их было мало. И то таким количеством еды можно было снабдить лишь несколько очень важных персон, однако Цю Лань, этой немного эксцентричной служанке, удалось спозаранку и тайком потащить за собой Жун Ху, чтобы позволить ему полакомиться этим деликатесом.

Подумав об этом, юноше невольно захотелось подшутить над своим телохранителем, однако, не успев проронить ни слова, князь внезапно вспомнил, что обещал Цю Лань никому ничего не рассказывать, отчего юноша был вынужден оставить эту глупую затею. Вместо этого Фэн Мин обратил взгляд на Ле Чжунлю, заботливо проговорив:

— Это очень вкусно, ничего не скажешь, моя Цю Лань обладает кулинарным мастерством. Господин, прошу, попробуйте, пока не остыло.

Ле Чжунлю хохотнул:

— Я не пользуюсь таким огромным успехом у женщин, как князь Мин. Разве я могу есть, когда со всех сторон окружают такие красавицы? — Договорив это, мужчина тотчас же бросил взгляд на Цю Лань, которая суетилась, находясь за спиной Фэн Мина.

Невозмутимый Жун Тянь, сидя немного поодаль, подал мужчине бокал вина и неторопливо спросил:

— Господину понравился кто-то?

— А? — Фэн Мин обернулся.

Цю Син и Цю Юэ пришли в смятение и, всеми силами стараясь спрятаться за князем Мином, беспокоились, что Ле Чжунлю выберет их.

— Любая, любая, хе-хе, — сладострастно проговорил Ле Чжунлю. — Достаточно быть

красавицей, и она мне тотчас же понравится.

Мужчина очень горестно вздохнул, впал в глубокое раздумье, а все превосходные манеры министра, стоило Ле Чжунлю увидеть красивую женщину, тотчас же исчезли. Такие резкие и огромные изменения ошарашили окружающих.

Стоящие за спиной князя Цю Юэ и Цю Син, зная, что Жун Тянь не замолвит за них словечка, вместе потянули Фэн Мина за подол одеяния и тихо позвали:

— Князь Мин... — Впервые за долгое время это звучало крайне жалобно и нежно.

Сам же юноша в душе не смог этого выдержать и, покашляв, проговорил:

— Господин, у такого талантливого и приличного человека, как вы, наверняка должно быть немало красавиц, которые искренне полюбят его, так почему бы не дать мне немного времени, чтобы отыскать ту, чьи чувства совпадут и желания будут едины с...

— Я сам это сделаю... — внезапно донёлся звонкий голос, который прервал слова князя.

Все обернулись. Как оказалось, этим человеком был неизвестно куда уходивший, но уже вернувшийся Ле-эр.

С улыбкой подбежав и в одночасье сев возле Ле Чжунлю, юноша наклонился к нему и рассмеялся:

— Хоть и не высочайшего уровня красавица, но лучше, чем эти две сестры. — Не обращая внимания на реакцию мужчины, Ле-эр двумя руками обнял его за шею и стремительно налетел с поцелуями, следы от которых остались на лице.

После поцелуев Ле-эр посмотрел на стоящие на столе горячие блюда, его взгляд сверкал, а сам юноша с воодушевлением сказал:

— Знаю только, что с господином министром сидеть — разумно, с другими же не так приятно. — Подняв рукава и держа палочки, Ле-эр начал поедать олени сухожилия, слегка кивая и расхваливая.

Его облик был действительно красивым, манеры и движения частично были выдающимися, а в данную минуту юноша с улыбкой, грациозно приподняв рукава, вкушал еду, и это всё весьма радовало сердце и глаз.

Ле Чжунлю изначально являлся свободным и образованным человеком, но, увидев такого беззаботного Ле-эра, с лёгкой улыбкой, мужчина забыл, что смотрел на Цю Юэ и Цю Син. Взяв

палочки для еды и изучающе глядя на поедающего горячие блюда юношу, Ле Чжунлю поднял бокал и, чувствуя вином Фэн Мина, проговорил:

— Прошу князя Мина отведать бокал вина.

Юноша тотчас же взял вино и с искренностью проговорил:

— Обычно я стараюсь мало пить, однако сегодня великий день и отказываться от расположения господина нельзя, поэтому Фэн Мин выпьет в знак уважения к господину. — Договорив, Фэн Мин и впрямь смело запрокинул голову, выпивая содержимое бокала.

К этому времени атмосфера оживилась.

Цю Юэ и Цю Син с трудом избежали объятий Ле Чжунлю, их сердца беспорядочно колотились в груди, а сами близняшки были очень благодарны Ле-эру. Спешно ссылаясь на необходимость подготовиться к выступлению, что шло далее, служанки тайком улизнули из-под носа Ле Чжунлю.

Вскоре начались песни и танцы.

Под звуки струнных и духовых в гостиную вошла, плавно паря, целая линия из двенадцати служанок. Ступая изящными и белыми, словно нефрит, ногами, девушки образовали большой круг, а разноцветные ленты следом за тонкими руками служанок то падали, то поднимались вверх. Всё это выглядело просто, но очень красиво.

После этого девушки, словно бабочки, рассеялись, открывая спрятанную в центре круга девочку, которой на вид только исполнилось четырнадцать, чья внешность была красивой и миловидной, сама же девочка медленно и застенчиво запела:

— У кровати лунный свет, словно иней бросил след[3]... — Приятная на слух песня обладала простой мелодией и необычно ясными словами.

Фэн Мин чуть не выплюнул чай, однако, упрямо проглотив его, в результате поперхнулся и мгновенно зашёлся кашлем, от которого даже слёзы потекли из глаз.

Жун Тянь, выпустив из рук палочки для еды, помог юноше растереть спину и заботливо спросил:

— Ну как?

Цю Лань также спешно отжала полотенце, подала ему, чтобы вытереться, и со смехом сказала:

— Этот стих раньше князь Мин рассказывал, ещё будучи во дворце, но сегодня нет великих музыкантов и нет новых песен, которые можно было бы слушать, поэтому Цю Син вспомнила эту маленькую песенку и с легкостью разучила её вместе со слугами. Честно говоря, мы хотели приятно удивить князя Мина, но никак не ожидали, что он так сильно испугается.

С трудом отдышавшись, Фэн Мин с горьким смехом сказал:

— В следующий раз не стоит меня так приятно удивлять, идёт? А то слишком мучительно вот так подавиться.

Множество служанок, которые окружали поющую девочку, своими танцами вызывали рябь в глазах, однако Ле Чжунлю, услышав слова «грустишь о стороне родной», был так глубоко тронут, что не смог сдержаться и, запрокинув голову, с удовольствием выпил вина и воскликнул:

— Чудесно! Чудесно! Чудесно! Всего несколько слов, хоть написаны крайне коротко, однако передают трудно описуемое чувство тоски по родным краям. Я ещё никогда не слышал таких превосходных слов, кто их написал?

Цю Лань ликующе проговорила:

— Министр Ле, эти слова сочинил наш князь Мин.

— Э? - Ле Чжунлю с довольно сомнительным видом посмотрел на Фэн Мина.

Юноша же спешно замотал руками, отрицая и говоря:

— Это не так, это не так, это сочинил другой человек, я лишь выучил... нет-нет, услышал и потому запомнил, к тому же рассказал Цю Лань, чтобы она послушала.

— Вот оно что, — только сейчас Ле Чжунлю понял и, на мгновение задумавшись, со смехом сказал: — Я вовсе не сомневался в блестящих литературных способностях князя Мина. Лишь эти слова оказались настолько простыми, но в то же время глубокими и заключают в себе сетования почтенного человека. Князь Мин не обладает большими летами, чтобы так мыслить.

Услышав его разумный анализ, Фэн Мин с восхищением кивнул:

— Верно, даже после ста лет своей жизни мне такие строки не написать. Только этого поэта звать Ли Бо[4], и он очень талантливый человек, написал очень много других стихов, как только выдастся свободная минута, я Вам их прочту.

В этот момент заканчивающаяся песня ещё не успела стихнуть, как в зале зазвучала другая,

на этот раз мелодия сменилась, став непринуждённой:

— У дома тетушки Хуан Четвёртой заросла цветами дорожка, мириады цветов гнут ветви к земле[5]...

Этот стих также был рассказан когда-то Фэн Мином.

На этот раз Фэн Мин уже был готов и не плевался чаем; увидев, как Ле Чжунлю смотрит на него, юноша отмахнулся и прошептал:

— Это тоже не я написал, а автор... — Он нахмурил брови, ненадолго задумавшись, после чего, смущённо улыбаясь, проговорил: — Я забыл...

Множество людей, вкушая аппетитные блюда, смотрели на танцующих и поющих красивых служанок. Ле-эр вёл себя крайне открыто, съев оленьи сухожилия, юноша отложил палочки для еды и с улыбкой налил вина. Выпив около пяти бокалов хмельного напитка, он вновь наполнил бокал и бросился к рядом сидящему князю Мину, чтобы выразить почтение.

Поначалу Фэн Мин беспокоился, что юноша будет сильно расстроен из-за этого неизвестно откуда взявшегося «Юй Ланя», но сейчас, увидев оживлённого, как раньше, Ле-эра, в душе очень обрадовался и, послушно пойдя на поводу своего телохранителя, выпил бокал вина.

Ле-эр ещё хотел выразить почтение, однако Жун Тянь остановил его:

— Сегодня главная персона — новый министр, иди и вырази почтение ему. — Крепко обняв Фэн Мина, император Силэй запретил Ле-эру вновь беспокоить князя.

Подвергшись запрету государя, Ле-эр отнёсся к этому с безразличием и, с улыбкой напыщенно и довольно учтиво поклонившись, ответил:

— Повинуюсь приказу государя. — Как будто танцуя, юноша развернулся и, словно полупьяный, вернувшись к Ле Чжунлю, взял бокал и преподнёс мужчине.

Ле Чжунлю, который по природе легко поддавался соблазнительной красоте, заметил алый румянец на щеках Ле-эра, а его взгляд стал привлекателен, как весенняя вода, обнажая сохранившуюся чистоту и очарование. Мужчина в душе обрадовался и, не принимая бокала, неожиданно позволил юноше напоить его из своих белоснежных, так похожих на нефрит, рук.

Ле-эр воскликнул:

— Хорошо, считаю, что у Вас есть некие манеры. — Отстранившись и налив вина, Ле-эр вновь поднёс бокал к губам Ле Чжунлю.

Мужчина также без отказа залпом выпил содержимое.

Хоть вино и не было отличным, однако эффекта от него было немало. Ле Чжунлю, даже выпив несколько бокалов, покраснелся, после чего обернулся и стал наблюдать за зажигательными песнями и танцами, что разворачивались в гостиной.

Цветные ленты, которые были на двенадцати служанках, выглядели, как будто их надели случайным образом, но на самом же деле несли в себе смысл цянй и кунь[6], а цветовое сочетание на руках, плечах и спине, которое с каждым движением сливалось в единое целое и, независимо от того, собирались служанки, рассыпались или же кружились по комнате, вызывало рябь в глазах, однако эта хаотичная пестрота казалась довольно приятной взгляду.

Хлопая ладонью по столу, Ле Чжунлю кивал, говоря:

— Свободно парящие цветные ленты показывают новый смысл: жёлтый, зелёный, пурпурный, голубой — пять цветов трудно смешиваются, а если все их соединить, то наверняка получится банально и безвкусно. А это редкое сочетание цветов по-своему прекрасно. Кто этот искусный мастер, который сделал подобное?

Ха-ха! Услышав это, Ле-эр захолопал в ладоши и вскрикнул:

— Цю Юэ, скорее подойди, здесь кое-кто расхваливает тебя! Скорее-скорее, подойди и вырази почтение, выпив с человеком, хвалящим тебя!

Стоящие до этого за спиной Фэн Мина близняшки, которые ускользнули, чтобы избежать внимания «противника», всё же вернулись в гостиную лишь после того, как начались песни и танцы. Глядя на результат своих трудов и протиснувшись между Жун Ху и Цзы Янем, девушки сидели у края стола, естественно, смакуя еду этих двух мужчин.

Жун Ху и Цзы Янь, будучи очень простыми и покладистыми, молчали, не желая возразить, ведь по большей части они относились к близняшкам как к младшим сёстрам.

Наслаждаясь приготовленной Цю Лань едой, а также песнями и танцами, которые разворачивались в гостиной, Цю Юэ и Цю Син услышали пьяный крик Ле-эра; с самого начала понимая, что этим «хвалящим человеком» является Ле Чжунлю, девушки искривили лица в гримасе, наотрез отказываясь подойти и по-прежнему вкушая «свою» еду.

Через короткое время песни и танцы подошли к концу, служанки с широкими улыбками сделали шаг вперёд и, учтиво поклонившись Жун Тяню и Фэн Мину, а затем и остальным, кто был на банкете, словно бабочки, покинули комнату.

И в главной гостиной стало ещё тише, чем раньше.

Примечания:

[1] О царях или высоких вельможах.

[2] Считаются деликатесом.

[3] Строки из стихотворения «Мысли тихой ночью», автор Ли Бо.

[4] Известный китайский поэт времён династии Тан.

[5] Строки из стихотворения «В поисках цветов один брожу вдоль реки», автор Ду Фу.

[6] Две противоположные гексаграммы «Ицзина»: небо и земля, Инь и Ян.

<http://bllate.org/book/13377/1190199>